

Э.М. КОЗЛИТИНА
ДОКУМЕНТЫ XVII ВЕКА ПО ИСТОРИИ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТЫ
МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Грановитая палата Московского Кремля, сооруженная в 1487—1491 годах итальянскими архитекторами Марко¹ и Пьетро Антонио Салари (илл. 1), — главный тронный зал великокняжеского дворца, — до настоящего времени остается малоизученным памятником.

Однако хранящиеся в архивах и недостаточно использованные исследователями документальные материалы, а также реставрационные работы 1966—1968 годов позволили заново рассмотреть некоторые вопросы ее истории в XVII веке².

Принято считать, что первоначальная роспись стен Грановитой палаты была выполнена в конце XVI века при царе Федоре Ивановиче³. Многочисленные пожары XVII века, от которых страдала и Грановитая палата, не могли не сказаться на сохранности ее стенописи.

По вопросу истории стенописи Грановитой палаты в исторической литературе существует два мнения. Первое сводится к тому, что стенопись конца XVI века к 60-м годам XVII столетия пришла в ветхость и в 1668 году ее полностью возобновил иконописец Симон Ушаков. В 1672 году он же составил дошедшее до нас описание новой росписи стен⁴, по которому в 1882 году художники-палешане Белоусовы вновь расписали Грановитую палату. Такого мнения придерживались И.Е. Забелин⁵ и С.П. Бартенев⁶. Это подтверждают в наше время Н.В. Гордеев⁷, Н.Я. Тихомиров и В.Н. Иванов⁸.

Однако в 1883 году, вскоре после окончания реставрации Грановитой палаты и возобновления ее стенописи, в «Московских ведомостях» появилась статья неизвестного автора, где со всей определенностью говорилось, что Белоусовы воспроизвели роспись XVI века, ставшую известной благодаря описанию Симона Ушакова⁹. Такого же взгляда на историю стенописи Грановитой палаты придерживались советские исследователи Ю.Н. Дмитриев¹⁰ и Н.Е. Мнева¹¹. Сохранившиеся документы, а также изданные источники позволяют более детально рассмотреть этот вопрос.

Очевидно уже к 1663 году стенопись палаты обветшала, так как известен указ царя Алексея Михайловича от 29 сентября этого года (7172): «...царь Алексей Михайлович... указал прислать в приказ Большого дворца иконописцев и левкашиков, что есть в Оружейном приказе, писать им в Грановитой полате стенное письмо...»¹².

Указ этот по каким-то причинам остался неосуществленным, так как уже в начале февраля следующего, 1664 года Грановитую палату готовят к приему «великого и полномочного» английского посла графа Карла Карляйля¹³.

На протяжении 1664—1666 годов стенопись палаты не возобновлялась. В 1667 году этот вопрос встает снова. 6 августа издается указ: «В Грановитой полате написать стенное письмо вновь нынешним летом»¹⁴. Здесь же приводится полная «сметная роспись», составленная

Симоном Ушаковым «с товарищи». В ней называется число мастеров, нужных для работы в Грановитой палате: «...иконописцев 50 человек добрых мастеров, средних 40 человек». В том же столбце имеется заключение Симона Ушакова, Федора Зубова и Ивана Филатова о невозможности расписать Грановитую палату до осени 1667 года: «Буде великий государь укажет ныне Грановитую полату написать вновь самым добрым письмом прежнего лутче или против прежнего написать и той полаты в толикое малое время написать некогда ко октябрю месяцу никоими мерами не поспеть и для того приходит время студеное и то стенное письмо будет некрепко».

Осенью 1667 года вновь встает вопрос о росписи стен: «В нынешнем 176 году (1667. — Э.К.) ноября в 15 день... велено Грановитую полату написать стенным письмом в нынешнем же во 176 году весною самым добрым мастерством, а снимки для образца с того стенного письма снять ныне и приказать о том иконописцу Симону, чтобы написать в той полате теж вещи, что ныне писаны»¹⁵. Далее в документе говорится о том, что зимой необходимо заготовить краски и материалы и что Симон Ушаков уже составил на них смету. Здесь же полностью приводится смета: «А по сметной росписи Оружейные полаты иконописца Симона Ушакова с товарищи написано. Надобно в тое Грановитую полату к стенному письму золота и красок и всяких запасов: золота сусального красного 100 000 листов, стеной лазори (светло-синяя краска — Э.К.), да празелени, да вохры слизухи, да черлени немецкой по 30 пуд,

вохры грецкой 4 пуда,

голубцу 15 пуд,

зелени 5 пуд,

бакану (багряная краска. — Э. К.) да яри виницейской (уксусноокислая очищенная медь — Э. К.) по 3 фунта

киноварю (ярко-красная краска. — Э.К.) 15 пуд,

черлени (ярко-красная охра. — Э.К.) псковской, да вохры немецкой, да

черлени слизухи по 20 пуд,

белил да мелу по 4 пуда, да немецких 10 пуд,

чернил копченых 300 кувшинов,

земленных чернил 2 воза,

олифы под золото 16 ведер,

яри ца сурику 2 пуда,

скипидару и нефти пуд,

пшеницы доброй 10 четей,

клею карлуку (рыбий клей. — Э. К.) 7 пуд,

200 аршин холста,

50 губок»¹⁶.

После сметы есть приписка, из которой мы узнаем, что запасов красок и материалов нет: «И в то число красок в Оружейной полате налицо одна вохра грецкая, а золота и иных никаких красок нет»¹⁷. Вероятно, поэтому к работам не приступали.

Заканчивается документ следующими словами: «И о том великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович что укажет»¹⁸

1. Грановитая палата. Фотография 1916 г.

Таким образом, с одной стороны, настоятельные распоряжения царя возобновить стенопись, с другой — сопротивление иконописцев, желание задержать работу до более благоприятного времени.

Причем аргументами иконописцев в вышеприведенных документах служат два положения:

1. «Ко октябрю месяцу никоими мерами не поспеть, для того приходит время студеное и стенное письмо будет некрепко и не вечно»¹⁹».

2. «...А из запасов, готовых к тому делу, левкасу, золота и красок ничего нет»²⁰.

Все это свидетельствует о большом чувстве ответственности, с которой подходил к этой работе С. Ушаков.

В словаре «Царские иконописцы и живописцы XVII века», составленном А.И. Успенским, приводится царский указ — расписать Грановитую палату весной 1668 года. Здесь же отмечено, что 5 декабря 1668 года государь пожаловал Симона Ушакова, приказав ему выдать «в при-

каз с Казенного двора 8 аршин камки индейской, 4 аршина сукна аглинского... для того, что писал он в церкви архистратига божия Михаила (а также в Успенском соборе) стенное писмо»²¹.

Мог ли Симон Ушаков одновременно работать в таких больших соборах Кремля и расписывать Грановитую палату? Очевидно, это почти невозможно. А если все-таки Симон Ушаков работал бы в Грановитой палате, то такая большая по объему работа не могла бы обойтись без царского жалованья и нашла бы какое-то отражение в документах. Однако сведений об этом нет. Надо думать, что в 1668 году Симон Ушаков (несмотря на царские указы) Грановитую палату не расписывал. Ни в документах, ни в «Словаре» Успенского мы не находим также упоминаний о других иконописцах, работавших по росписи стен Грановитой палаты в 1668 году или в следующих 1669—1671 годах. На ее же роспись по смете 1667 года требовалось «50 человек добрых мастеров, средних 40 человек».

В марте 1672 года Симон Ушаков вместе с дьяком Никитой Клементьевым составляет опись стенописных изображений (притчей) в Грановитой палате Государева дворца. Делает это очень тщательно, сюжет за сюжетом. Поскольку мы пришли к выводу, что Симон Ушаков не расписывал Грановитую палату, то составленная им «Опись» отражает полностью сюжетный состав стенописи конца XVI века. Сам факт выполнения Симоном Ушаковым этой работы говорит о том, что в 1672 году при дворе все еще не оставляли мысли возобновить роспись стен Грановитой палаты.

Бережное отношение к сюжетам древней живописи характерно для XVII века. На это встречаются указания и в изучаемых документах. Так, царь Михаил Федорович, распорядившись заново расписать Успенский собор Кремля, велел зарисовать все изображения, находившиеся на его стенах, чтобы воспроизвести их в новой живописи²². А приступая к росписи Архангельского собора, царь Алексей Михайлович указал 15 июня 1660 года: «Архангельскую соборную церковь написать стенным писмом против прежнего...»²³.

К сожалению, сохранившиеся документы не дают нам возможности точно определить, до какого времени просуществовала стенопись Грановитой палаты. Забелин и Бартенев считали, что ее исчезновение связано с «вевием нового времени». При Петре I в Грановитой палате по случаю свадеб царских шутов устраивались «комедии» и «диалегии» (1702, 1704). По мнению Забелина и Бартенева, это и послужило причиной забеливания стенописи Грановитой палаты²⁴. Однако есть основание считать, что стенопись исчезла ранее 1702 года. Так из указа Петра I от 2 июля 1704 (1696) года известно, что стены Грановитой палаты уже были обиты холстом и сукном: «...великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... указал в Грановитой полате сукна кармазины алые и холсты, описав, стен собрать и до своего великого государя указу положить, где пристойно...»²⁵.

Вероятно, стены палаты были обиты тканью еще в конце 70-х — начале 80-х годов XVII века, когда появляется мода украшать интерьеры по западному образцу. Известно, что в 80-х годах XVII века тканью бы-

ли обиты и стены Крестовой палаты, имевшей во дворце патриарха такое же значение, как Грановитая — в царском²⁶.

Покрытие стен Грановитой палаты сукнами и холстом также свидетельствует о том, что роспись была «ветха» или вовсе забелена и не возобновлялась в конце 60-х — начале 70-х годов XVII века.

В то же время в Центральном государственном архиве древних актов хранятся документы за 1667 год, которые говорят нам о том, что в октябре этого года проводились большие работы по украшению фасадов Грановитой палаты. Здесь были сооружены леса. Сохранились документы (от 2—14 октября 1667 г.) на выдачу мастерам-подвязчикам государева казенного жалованья. Это своеобразные расписки старшего мастера-подвязчика, получавшего жалованье на всю артель, где указано число работавших и сумма, причитавшаяся каждому за день работы. В одной из таких расписок говорится: «Приказу каменных дел повящи-ком Ивану Слонихину с товарищи десяти человеком государева жалованья поденного, денежного корму на один день по десяти денег человеку... Повязывали они повязи к Грановитой полате для писма краски той полаты»²⁷.

Очевидно, упомянутые документы относятся ко времени окончания работ по установлению лесов, так как число мастеров с каждой «распиской» убывает. 2 октября работали десять человек у подвязчика Ивана Слонихина, 10 октября — семь человек, а с 12 по 14 октября жалованье выписывается только на подвязчика Ивана Слонихина (шесть алтын на три дня) и на каменщика Алешку Маркова (тоже шесть алтын на три дня)²⁸. В приведенных документах ясно говорится о цели установки лесов: «Расписывали иконники кирпичь», «Для писма краски той полаты». Подвязчики еще не закончили работы по установке лесов, а иконописцы приступили уже к росписи фасада. Сохранились списки мастеров-иконописцев на выдачу им государева жалованья. Первый список включает пятнадцать иконописцев меньшей статьи: «176 года (1667 — Э.К.) октября 2 числа, того же октября по девятое число красили и расписывали Грановитую полату кормовые иконописцы и судовово и коробейново ряду, хто сколько дней был у дела, а корм государево жалование иконописцем меньшие статьи по два алтына по две деньги человеку в день»²⁹.

Список мастеров-иконописцев был составлен с 10 по 15 октября 1667 года с точным указанием видов работ: «...и писали около Грановитой полаты подзоры и окна»³⁰. Характер работ не вызывает сомнения — расписывали фасады Грановитой палаты и трудились здесь мастера меньшей или третьей статьи. Всего здесь работало сорок четыре мастера и двенадцать терщиков красок³¹. Оба списка были составлены и подписаны жалованным царским иконописцем Иваном Филатовым, который не только составил смету по росписям фасадов Грановитой палаты и руководил работами, но и сам принимал участие в росписи «разными красками» крыльца, что у Грановитой палаты, а именно его «сторонней стороны, что к Благовещенской паперти» и расписывал окна³².

В документах по росписи фасадов хранится «Роспись краскам, которые надобно на Грановитую полату Сурику кашинского 20 пуд,

черлени немецкие 5 пуд
голубцу 2 пуда
белил ступчатых пуд
да извесных белил пять ушатов
скипидару да нефти по 10 фунтов
масла конопляново 10 ведр
олифы 5 ведр
вохры немецкие 10 фунтов
щетин 10 фунтов
пива ячново по 3 ведра на день
чернил 2 кувшина»³³.

Если сравнить этот перечень красок со сметами, составленными для возобновления стенной живописи Грановитой палаты, то видно, насколько предыдущие сметы превосходят данный перечень по количеству красок. Здесь называют четыре основные краски: кашинский сурик, немецкую черлень, голубец, белила двух типов, а также небольшое количество немецкой охры.

При реставрационных работах, проведенных в 1966 году³⁴, на фасадах Грановитой палаты обнаружены отдельные фрагменты, покрашенные суриком, голубцом, зеленью, охрой³⁵.

Почему же все-таки была проведена покраска фасадов в такое несезонное время, как октябрь? Причиной этого могли быть только события большого политического или международного значения. И действительно, 30 января 1667 года было заключено Андрусовское перемирие с Польшей, которое явилось большим успехом во внешней политике России. 11 июля 1667 года в Москве стало известно, что в Россию едут послы для подтверждения этого перемирия³⁶.

Вот тогда, очевидно, царь Алексей Михайлович задумал возобновить стенопись Грановитой палаты (указы царские относятся к началу августа 1667 года). Однако последовала отписка Симона Ушакова, в которой он отказывался начать работы. Вероятно, тогда решили срочно расписать фасад.

17 октября 1667 года в Москву прибыли польские послы: черниговский воевода Станислав Каземир Беневский, референдарь Киприан Павел Бростовский и секретарь Владислав Шмелинг³⁷.

20 октября состоялся первый, как бы предварительный, прием послов в Грановитой палате царем Алексеем Михайловичем и царевичем Алексеем Алексеевичем. Вручение королевской ратификации было назначено на 12 ноября 1667 года. Время между приемами было использовано для оформления интерьера Грановитой палаты. Сохранились указы царя Алексея Михайловича от 19 и 30 октября казначею Афанасию Са-мойловичу Нарекову об отпуске из казны «5 аршин бархату алого доброго» для обивки государева места, «22 аршина сукна червчатого багрецу» на окна Грановитой палаты³⁸, да десяти аршин «сукна аглинского червчатого» для обивки окон в сенях³⁹, двух половинок сукна аглинского на обивку дверей Грановитой палаты и сеней⁴⁰.

12 ноября состоялось торжественное вручение польскими послами королевской ратификации на заключенный в Андрусове договор⁴¹.

В «Выходной книге царя Алексея Михайловича» за ноябрь 1667 года мы читаем: «Ноября в 12 день у Великого Государя в Грановитой полате, на отпуску были польского короля послы Казимер Беневский, с товарищи. А на Великом Государе был наряд царской: крест, диадима первого наряду, перевезь золота колчата... да в Грановитой полате в переднем окне по левую Великого Государя руки поставлен был посольской стоянец, на нем яблоко золотое с крестом, с камени и с жемчюги... Стол был по Грановитой полате...»⁴². Польских послов принимали также 25 ноября, а 9 декабря послы выехали из России.

Принимая во внимание важность события и торжественность приема, нам кажется убедительным предположение о том, что фасады Грановитой палаты были расписаны в октябре 1667 года к приезду польского посольства.

Наши материалы проливают некоторый свет и на другие работы, проводимые в Грановитой палате во второй половине XVII века. В частности, мы рассматриваем документы, связанные с деятельностью в Кремле в 1684 году подмастерья каменных дел Осипа Старцева. До последнего времени было известно только то, что Осип Старцев в 1684 году расширил оконные проемы в Грановитой палате и украсил их белокаменными резными колонками.

На самом же деле приведенные документы — указы, подрядные записи, перечни строительных материалов, получаемых от поставщиков, и, наконец, «отчетная роспись» Осипа Старцева — говорят о более значительных объемах ремонтно-восстановительных работ, которые производились здесь после пожара 1682 года.

Руководителем всех работ в Кремле в это время был князь Василий Васильевич Голицын — любимец царевны Софьи. Для выполнения работ привлекались не только наемные рабочие, но и солдаты. Сохранилось два списка солдат, посланных к Грановитой палате⁴³. Недалеко была специально устроена кузница. Она снабжала строителей материалами, необходимыми для ремонта кровли и замены металлических связей Грановитой палаты. «В нынешнем 192 (1684 — Э.К.) году генваря в 31 день. В Пушкарском приказе... перед князем... Голицыным с товарищи Галицкого уезду Ивана Григорьева сына Свиньина крестьянин ево Петрушка Федоров подрядился зделать в Кремле городе на Ивановской площади от Соборные церкви к делу Грановитые полаты х кузнечным делам кузницу длиною на двадцети саженьях, поперег на пяти саженьях. Да в той же кузнице зделать восемь горнов»⁴⁴. О том, что кузница была сооружена и работала, говорят другие документы. В кузнице при Грановитой палате заготавливали кровлю для нового здания Посольского приказа в мае 1684 года⁴⁵, а также имеются челобитные казенных кузнецов, взятых из Пушкарского приказа для государевых дел⁴⁶.

В этот период делаются запасы строительных материалов. В мае 1684 года на починку Грановитой палаты было принято от городского дела 65 тысяч штук жженого кирпича, 300 бочек извести, 1000 возов песку⁴⁷, а также подвязного лесу 800 бревен по 5 саженей, в отрубе по 3 вершка, 2 тысячи бревен по 3 сажени, в отрубе по 3 вершка, 2 тысячи

бревен по полутрети сажени, в отрубе по 3 вершка, 3 тысячи тесин москворецких кровельных добрых длиною по 3 сажени⁴⁸.

Документы дают возможность проследить почти весь ход работ. С 20 марта по 12 августа 1684 года с Грановитой палаты и с Красного крыльца снимают медную кровлю и ведут строгий учет снимаемой меди: «собрано з Грановитые полаты зеленые да с крыльца красные шатровые меди порознь по числам...» Далее приводятся сведения, какого числа сколько было снято меди. «Всего з Грановитой полаты и с шатров снято зеленой и красной меди 351 пуд 17 гривенок. И та медь отдана великих государей в казну на Пушечной двор»⁴⁹.

Этот документ дает нам полное право утверждать, что до 1684 года Грановитая палата и Красное крыльцо были покрыты медной кровлей. Причем на палате была зеленая медь, а на Красном крыльце — красная.

После снятия медного покрытия была разобрана деревянная кровля, выломаны и сняты на землю все деревянные детали. Об этом говорит нам поручная запись на плотников-крестьян Петра Федорова и Анания Иванова: «Дали мы сию на себя запись стольнику Петру Петровичу Жадовскому в том, что в нынешнем во 192 (1684. — Э.К.) году подрядились мы у него Петра Петровича Великих Государей на Грановитой полате деревянную кровлю сломать и ис той Грановитой полаты деревянное все выломить и выносить и где доведетца подвесь подставляивать подставы»⁵⁰. Всю эту работу мастера должны были сделать за тридцать рублей.

Основными же документами, позволяющими говорить о реставрации Грановитой палаты в 1684 году, являются «Подрядная запись» и описание работ, выполненных подмастерьем каменных дел Осипом Старцевым.

Осип Старцев был талантливым архитектором и в конце XVII века в приказе Каменных дел играл исключительную роль. Впервые его имя как организатора работ встречается в документах 1679 года. В 1684 году он работал в Московском Кремле, а в 1690—1693 годах строил церкви в Киеве, в Братском и Никольском монастырях, работал в Смоленске, Рязани и других местах.

В конце XVII века, по мнению А.Н. Сперанского, О. Старцев выступает уже как подрядчик-предприниматель⁵¹.

Однако привлекаемые нами документы о работах Старцева по Грановитой палате до сих пор не были опубликованы и не использовались исследователями. Даже А.Н. Сперанский, оставивший нам большой труд по истории Приказа каменных дел и проследивший в деталях деятельность Осипа Старцева по документам XVII века, ничего не говорит о работе Старцева в Кремле в 1684 году.

В подрядной записи 1684 года имеются сведения о задачах, которые ставились перед архитектором по реставрации и переделке Грановитой палаты, а также о сумме, за которую Старцев подрядился выполнить эти работы.

Привожу полностью «Подрядную запись» мастера:

«В прошлом 192 году мая 31 день в Пушкарском приказе каменных дел подмастерья Осип Старцов с товарищи подрядился зделать на Грановитой полате каменного строения вновь и починить: в сенной сте-

не ко дворцу и ко Благовещенью сделать окна шириною и вышиною и образцом каковы указаны будут.

Над сводом сенным, выровняв неровная места, наслатъ лещедьми на масле с ызвестью. Кругом Грановитые полаты и сеней стены разобрать до другога пояса, что над словами и сделать вновь кзымс (карниз.— Э.К.) с растескою. Круг полаты и сеней связати железом в дву местех и положить проемные связи и наугольники, где понадобится. На полате же под железную кровлю положить связи в круг, а старые связи, наверху выбрав, спустить на земь для переправки, а с земли те связи поднять вверх к делу ж.

На стенах худые и руховые места заделать вновь кирпичей и каменем. На Грановитой же палате от Соборные церкви на стене две разседены разобрать и заделать вновь, одну сверху до самые подошвы, другую до половина стены. Около той полаты подвязать подвязи.

А от того выше писанного дела взять ему Осипу Великих Государей ис казны денег 475 рублей.

В том во всем взята по нем Осипе порушная запись»⁵².

И.Е. Забелин приводит сведения о том, что в «1684 году было отпущено 1000 рублей Кремля города на городовое дело и к строению Грановитой палаты»⁵³. По подрядной записи Осипа Старцева на работы, которые проводились им только по Грановитой палате, ассигновывалось 475 рублей, то есть почти половина всей суммы.

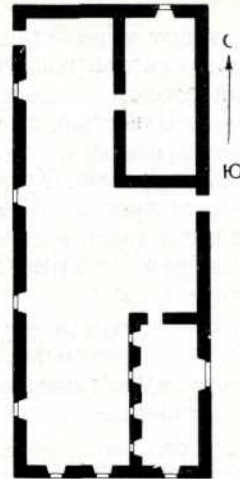
Мы не можем судить об исполнении работ только по подрядной записи, потому что часто в действительности оказывалось, что какие-то работы не производились вовсе, а другие выполнялись не полностью. Но в этом же деле сохранилась роспись работ, выполненных Осипом Старцевым «против подрядной записи»⁵⁴: «против подряду у него Осипа зделано в сенной стене ко дворцу и к Благовещенью (зделано) семь окон вышиною по три аршина без чети шириною по два аршина»⁵⁵.

К сожалению, мы не располагаем чертежами Грановитой палаты XVII века. Самые ранние чертежи ее и помещения над сенями, дошедшие до нас, опубликованы в книге «Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года». На плане Грановитой палаты (илл. 2) видно, что в сенях было шесть оконных проемов и один дверной. На юг, в сторону Благовещенского собора, выходило одно окно, на запад, ко дворцу,— четыре окна. Едва ли их могло быть больше и в XVII веке. Над сенями Грановитой палаты существуют верхние сени, которые получили название «тайника». Если мы обратимся к чертежу верхних сеней 1742 года (илл. 3), то увидим, что в южной стене, к Благовещенскому собору, находятся три окна, а в западной стене, ко дворцу,— четыре. Возможно, это и есть те самые окна, которые прорубил в сенной стене Осип Старцев. Дан размер окна: «вышиною по три аршина без чети, шириною по два аршина». Но последнее слово здесь остается

2. План Грановитой палаты и сеней.
1742

3. План верхних сеней Грановитой палаты
1742

за архитекторами-реставраторами, которые могут установить дату кладки окон южной стены «тайника».

В уже цитированном документе говорится о других работах О. Старцева: «Над сенным сводом неравные места выровняв наслали лещедьми по скалам на масле с известью»⁵⁶.

Если говорится о выравнивании «неравных» мест над сенным сводом и о настиле пола лещедью, то возможно, что в 1684 году над сенями Грановитой палаты не было никакого жилого помещения, то есть не было «тайника». Авторы документа указывают далее: «Круг Грановитые полаты и сеней стены разобрать до другога пояса, что над словами и зделать вновь кзымс с растескою...»⁵⁷.

Отсюда также можно предположить, что карниз (кзымс) Грановитой палаты выполнен в 1684 году, так как мы не знаем более поздней переделки карниза.

Хотелось бы особое внимание обратить на выражение из документа: «...разобрать до другога пояса, что над словами...» Известно, что некоторые здания Московского Кремля были украшены медными золочеными надписями, которые проходили по фризам и выглядели как орнаментальные пояса. Подобная надпись сохранилась на колокольне Ивана Великого. Была надпись на средней Золотой палате, которая просуществовала до разборки здания в середине XVIII века⁵⁸. Но до сих пор не встречалось известий о подобной надписи на Грановитой палате. Надпись эта упоминается еще в одном из документов того же дела: «Мая 22 день приказал боярин князь Василий Васильевич Голицын на Грановитой полате подпись, что подписана по медным листам списать в то время, как будут подвязаны подвязи, а в котором месте подписи учинилась поруха и списать ее будет немочно и те рухомые места описать»⁵⁹. Таким образом, выясняется, что до 1684 года ниже карниза по Грановитой палате шла надпись, которой дорожили, но которая в это время

пришла в ветхое состояние. Существует еще один источник, подтверждающий наличие надписи на Грановитой палате, — это «Космография» конца XVII века, цитируемая Бартеневым при описании Грановитой палаты в книге «Большой Кремлевский дворец, дворцовые церкви и придворные соборы»: «Есть палата именуема Грановитая велика и высока близ Соборных великия церкви, придивным мастерством устроена из белово камени, тесан грани аки чешуя. Внутри выписана вся золотом и разноцветными красками, покрыта досками великими на красном злащенными с разноцветными письмы»⁶⁰.

Осип Старцев выполнил по подрядным записям и другие работы: «Связали с лица в дву местех, — говорится в записи, — да положили связи и укрепили скобами и заделали кирпичей и каменем. На полате ж под железную кровлю положили связи в круг и старые сверху спустили»⁶¹.

О существовании металлических связей Грановитой, Набережной и Проходной палат в XVI веке мы узнаем из Никоновской летописи. Описывая пожар Москвы и Кремля во время нашествия Крымского хана Девлет-Гирея в 1571 году и говоря о размерах разрушения, летописец пишет: «А во государевых полатах в Грановитай и в Проходной и в Набережной и в ыных полатах прутье железное, толстое, что кладено крепости для на связки, перегорели и переломалися от жару»⁶².

Укрепление каменных зданий металлическими связями явилось необходимым инженерным условием при воздвижении больших сооружений в XV—XVI веках. И в Грановитой палате металлические связи, надо думать, существовали с самого начала ее постройки.

По подрядной записи Осипа Старцева и по цитируемому документу мы узнаем о трещинах на фасадах Грановитой палаты: «На Грановитой же полати от Соборные церкви две расседины»⁶³.

Следовательно, ранее положенные металлические связи к концу XVII века пришли в негодность и в 1684 году Грановитую палату укрепляют вновь металлическими связями и скобами.

Здесь имеется прямое упоминание и о железной кровле: «под железную кровлю положили связи в круг». Следовательно, мы можем считать, что в 1684 году на Грановитой палате вместо медной была сделана железная кровля. Поставлял металл иноземец Крестьян Марселис. Сохранились указы о принятии у Марселиса «тысячи кровельных тульских досок»⁶⁴ и двести пудов тульского пруткового тонкого железа на скобы под желобья к делу Грановитой полаты⁶⁵.

«На Грановитой же полате, — читаем мы в упомянутом документе, — от Соборные церкви на стене заделана расседина. Около полаты и сеней подвязали подвязи»⁶⁶.

Вот тот круг работ, который выполнил Осип Старцев по подрядной записи. Тут же в документе имеется приписка: «а против подрядной записи не сделано: сени у Грановитой полаты железом не связаны и в Грановитой полате проемных связей и наугольников не положено и старые связи, которые спущены на землю для переправки к делу не подняты для того, что положить их негде. На стенах худые и рухомые места от дворца и от Соборные церкви кирпичей и каменем незаделаны»⁶⁷.

Мы видим, что окончательный ремонт Грановитой палаты к осени 1684 года не был завершен. На стенах ее оставались «рухомые и худые места», не заделанные кирпичом. Едва ли на этом этапе остановились работы по Грановитой палате. Ремонт ее был закончен не позже августа 1685 года. Об этом свидетельствует «наказная память» боярину и оружничему Петру Васильевичу Большому Шереметеву от 15 августа 1685 года об уборке щебня и леса, оставшихся после ремонта Грановитой палаты: «По указу государей царей и великих князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича... — читаем мы в этом документе, — боярини оружейничий Большой Шереметев с товарищи приказал из Серебряные полаты Новомещанской слободы тяглецу Кирюшке Иванову с товарищи за разметку щебеня и всякого подвязного лесу, что было обломлено з Грановитой полаты... дать денег тридцать четыре алтына»⁶⁸.

В подрядной записи О. Старцева ничего не говорилось о переделке окон на главном фасаде Грановитой палаты. Вероятно, эти работы были выполнены не в 1684, а летом 1685 года⁶⁹. Особый интерес представляют данные о сооружении сверх подрядных работ над сенным сводом двух каменных палаток-тайников. Следует обратить внимание, что речь идет о работах, сделанных сверх подряда, в то время как не все работы по подряду были закончены. Значит, этому сооружению над сенями Грановитой палаты придавали особое значение.

В документе читаем: «Он же Осип по приказу боярина князя Василия Васильевича Голицына сделал над сенным сводом Грановитой полаты две полатки для воровского от пришествия...» Далее дан размер первой полатки: шесть сажени на две сажени, в ней положены четыре связи железные. «Другую полатку делал для поклажи древние утвари, длиною получетверти сажени, да на стене пробил окно вновь»⁷⁰.

После сооружения палаток в них был сделан потолок, подволоки, пол, окна и двери. Об этом рассказывает нам «порушная» запись от 23 октября 1684 года «по крестьянине Ивашке Васильеве», взявшемся пополнить эти работы: «На Грановитых сенях на две каменные полатки накатить потолок бревенчатой и изнутри зделать подшивошные подволоки тесом. В тех же двух полатках намостить пол дощатой и зделать лавки с опушками. В двери и во окна зделать вставки и покрыть те полатки в два теса скалою и учинить все самым добрым мастерством вскоре без мешкоты. Да ему ж на те две полатки на потолки наносить земли сколько понадобится. А ценою за то вышеписанное дело взять ему Ивашке денег шесть рублев...»⁷¹. Документ определяет место палаток-тайников — над сенным сводом. Следовательно, над сенями выровняли неровные места, настлали лещедь и на замощенной площадке соорудили две палатки для хранения ценных предметов и пробрили окно. Встает вопрос о времени возникновения «тайника» и существования его в том понятии, в каком донес нам его XIX век, то есть как места нахождения цариц и царевен во время торжественных приемов и пиров, происходивших в Грановитой палате. Упоминание о тайнике есть в «Записке об исправлении и починке Дворцовых зданий в 1722—1723 гг.». «При Грановитой, — говорится в записке, — потайная полата убита вновь покупным красным сукном казенными убойщики и в ней ветхость починена». Сукна пошло

9 аршин⁷². Расход сукна говорит нам о небольших размерах этого помещения.

И.Е. Забелин в своем исследовании «Домашний быт русских царей XVI—XVII ст.» пишет об устройстве тайника — «смотрильной полатки» со «смотрильной решеткой»⁷³. Но у него нет ссылок на документ, поэтому его описание не может пролить свет на время появления тайника.

На чертеже из книги о коронавании императрицы Елизаветы Петровны помещение над сенями Грановитой палаты названо верхними сенями. Во время коронационного пира там были накрыты столы для гостей. На чертеже видны две небольшие комнаты-палатки. Вполне вероятно, что это те самые палатки, которые делал Осип Старцев.

Из всего сказанного можно предположить, что после 1684 года, то есть после постройки Осипом Старцевым этих двух помещений над сенями Грановитой палаты, впервые появляется понятие тайника как места для сохранения ценностей, нахождения цариц и царевен во время приемов и пиров.

Возможно также существование и более раннего тайника в начале XVII века, из которого царевна Ксения Годунова наблюдала за своим женихом герцогом Датским Иоганном, о чем писал голландский торговый человек Исаак Масса⁷⁴. Этот, более ранний, тайник мог выгореть во время пожара 1626 года, а в 1684 году Осип Старцев построил на месте выгоревшего тайника две новые палатки для сохранения ценностей.

На основании приведенных документов можно сделать следующие выводы: в 1684 году проходил большой ремонт или даже, в нашем понятии, реставрация Грановитой палаты. Руководителем работ, подрядчиком был подмастерье каменных дел Осип Старцев. В результате этих работ было выполнено следующее: снята медная и воздвигнута железная кровля, заменены металлические связи, переложены карниз, сделаны на сенной стене окна и тайники над сенями, частично заделаны трещины.

Таким образом, изучение документальных материалов дает возможность по-новому осветить вопросы о внутренней и внешней росписях Грановитой палаты и о перестройках ее в XVII веке. Эти материалы вносят поправку в положения, выдвинутые Забелиным и Бартеневым о стенописи палаты, и дают возможность утверждать, что роспись конца XVI века просуществовала до 70—80-х годов XVII века, когда была залевкашена и закрыта тканью, а затем, в 1882 году, заново расписана по описаниям Симона Ушакова.

Документы дают возможность осветить забытый в настоящее время вопрос о росписи фасадов, определить время росписи, участие и руководство этими работами жалованного иконописца XVII века Ивана Филатова, а также установить краски, которые использовались при этом.

Документальные материалы XVII века совершенно по-новому раскрыли нам и роль Осипа Старцева в проведении ремонтно-реставрационных работ по Грановитой палате в 1684 году и позволили воссоздать облик этого сооружения в XVII веке с его медной кровлей и надписью на медных досках, протянувшихся по фризу.

Однако целый ряд моментов в жизни этого памятника архитектуры конца XV века остается неясным и требует дальнейшего изучения.

¹ Автор придерживается того же мнения, что и В.Н. Лазарев, который считает, что архитектор-итальянец Марко безо всякой на то причины историками XVIII—XIX вв. превращен в Марко Руффо, хотя летописцы называют его фрязином Марка См.: ПСРЛ, т. VII, стр. 221, 222; т. XVIII, стр. 282; «Софийский временник», М., 1821, стр. 239, 350; L a s a r e f f , Le opere di Pietro Anrtonio Sol'ari in Russia ed i rapporti artistic: italo-russi nel tardo Quattrocento. — "Arte e artisti dei laghi Lombardi, I: Architetti e scultori del Quattrocento", Como, 1959, p. 427.

² Настоящая статья построена на документах XVII в., хранящихся в ЦГАДА, ф.396, и ГИМ, ОПИ, ф. 113.

³ Н.Е. Мнева, Живопись конца XVI—начала XVII века. — «История русского искусства», т. III, М., 1955, стр. 636.

⁴ И.Е. Забелин, Материалы для истории археологии и статистики города Москвы, ч. I, М., 1884, стлб. 1255—1271.

⁵ И.Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI — XVII ст., ч. I, М., 1895, стр. 170—171.

⁶ С.П. Бартенев, Большой Кремлевский дворец, М., 1916, стр. 82.

⁷ Н.В. Гордеев, Большой Кремлевский дворец, М., 1957, стр. 42.

⁸ Н.Я. Тихомиров, В.Н. Иванов, Московский Кремль, М., 1967, стр. 84.

⁹ Е. Л., Грановитая палата. — «Московские ведомости», 1883, № 111—112.

¹⁰ Ю.Н. Дмитриев, Стенопись Архангельского собора. — «Древнерусское искусство», М., 1964, стр. 141.

¹¹ Н.Е. Мнева, Живопись конца XVI — начала XVII века, стр. 636.

¹² ЦГАДА, ф. 396, д. 51293, л. 1.

¹³ Н.Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, ч. 1, М., 1894, стр. 118. Сохранился указ царя Алексея Михайловича от 9 февраля 1664 г. о замене старого завеса в Грановитой палате (ЦГАДА, ф. 396, д. 8904, л. 1). В это же время золотятся два крюка и две петли (возможно, для завеса), на что отпускается 50 листов золота; чинятся двери Грановитой палаты (ЦГАДА, ф. 396, д. 8945, л. 1), приводятся в порядок сени (ЦГАДА, ф. 396, д. 9281, лл. 64—65).

¹⁴ ЦГАДА, ф. 396, д. 51293, лл. 2—5. Ответ на обороте заверили иконописцы Симон Ушаков, Федор Зубов и Ивам Филатов. Сделано в соответствии с формой XVII в.; «иконописец Симон Ушаков сказал и руку приложил», «иконописец Федор Зубов сказали руку приложил», «иконописец Иван Филатов сказал и руку приложил».

¹⁵ ЦГАДА, ф. 396, д. 51293, л. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, д. 11120, л. 4.

²¹ А.И. Успенский, Царские иконописцы и живописцы XVII века. — «Записки Московского императорского археологического института», т. 2, М., 1910, стр. 344.

²² Ю.Н. Дмитриев, Стенопись Архангельского собора, стр. 141.

²³ И.Е. Забелин, Материалы для истории иконописи. — «Временник императорского общества истории и древностей российских», кн. 7, М., 1850, стр. 40.

²⁴ И.Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. I, стр. 113; С.П. Бартенев, Большой Кремлевский дворец, стр. 83.

²⁵ ЦГАДА, ф. 396, д. 32294, л. 1.

²⁶ Н. Писарев, Домашний быт русских патриархов, Казань, 1904, стр. 72.

²⁷ ЦГАДА, д. 11301, л. 2.

- ²⁸ Там же, л. 5.
- ²⁹ Там же, д. 11982, л. 1.
- ³⁰ Там же, д. 11973, л. 1.
- ³¹ По росписям от 2 и 10 октября мы насчитываем двадцать два иконописца. Из словаря Успенского видно, что мастеров, работавших по росписям фасадов, было сорок четыре, а терщиков красок — двенадцать.
- ³² А.И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVIII века, стр. 283.
- ³³ ЦГАДА, ф. 396, д. 11120, л. 6.
- ³⁴ Реставрационные работы в 1966—1968 гг. проводила 7-я мастерская института Моспроект-3.
- ³⁵ Белокаменные фрагменты с Грановитой палаты со следами покрасок сохраняются в Государственных музеях Московского Кремля.
- ³⁶ Н.Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, ч. 3, М., 1897, стр. 140.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 396, д. 11343, л. 1.
- ³⁹ Там же, л. 2.
- ⁴⁰ Там же, л. 4.
- ⁴¹ Н.Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, ч. 3, стр. 140.
- ⁴² П. Строев, Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, М., 1844, стр. 483.
- ⁴³ ГИМ, ОПИ, ф. 113, д. 40, лл. 153, 155.
- ⁴⁴ Там же, л. 133.
- ⁴⁵ Там же, лл. 144, 149.
- ⁴⁶ Там же, лл. 135, 136.
- ⁴⁷ Там же, л. 138.
- ⁴⁸ Там же, л. 139.
- ⁴⁹ Там же, л. 151.
- ⁵⁰ Там же, л. 142.
- ⁵¹ А.Н. Сперанский, Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства, М., 1930, стр. 138.
- ⁵² ГИМ, ОПИ, ф. 113, д. 40, л. 159—160.
- ⁵³ И.Е. Забелин, История города Москвы, ч. I, М., 1902, стр. 167.
- ⁵⁴ Первая часть документа полностью повторяет подрядную запись, которая приводилась выше, и ее нет смысла цитировать. Но необычайно важен тот раздел документа, где мы находим сведения о выполнении работ «против подряда» и «сверх подряда».
- ⁵⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 113, д. 40, л. 161.
- ⁵⁶ Там же, л. 161.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ И.Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. 1, стр. 127—128.
- ⁵⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 113, д. 40, л. 135-а.

- ⁶⁰ С.П. Бартенев, Большой Кремлевский дворец, стр. 86.
- ⁶¹ ГИМ, ОПИ, ф. ИЗ, д. 40, л. 161.
- ⁶² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 301.
- ⁶³ ГИМ, ОПИ, ф. 113, д. 40, л. 161.
- ⁶⁴ Там же, л. 154.
- ⁶⁵ Там же, л. 152.
- ⁶⁶ Там же, л. 161.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 396, д. 23542, л. 1.
- ⁶⁹ И. Снегирев годом возобновления и перестройки Грановитой палаты называет 1685 г. См.: И. Снегирев, Памятники Московской древности, М., 1842—1845. стр. LXI.
- ⁷⁰ ГИМ, ОПИ, ф. 113, д. 40, л. 161—161 об.
- ⁷¹ Там же, л. 158.
- ⁷² И.Е. Забелин, Материалы для истории археологии и статистики города Москвы, ч. I, стлб. 1348.
- ⁷³ И.Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. 1, стр. 289.
- ⁷⁴ «Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России», Спб., 1874, стр. 90.